

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОРНИ АМЕРИКАНСКОГО ЛИДЕРСТВА

© 2014 г. **В.Ю. Журавлева***
ИМЭМО РАН, г. Москва

Кризис миропорядка, свидетелями которого мы являемся, возвращает в научную дискуссию базовые ключевые вопросы о структуре, правилах игры, ключевых игроках, которые их устанавливают, и, конечно, о лидерстве. Лидерские позиции США – одна из наиболее обсуждаемых тем на сегодняшний день. В данной статье анализируется специфика современных внутривнутриполитических процессов и идейных настроений, которые питают лидерские амбиции США последнего десятилетия.

Ключевые слова: американское лидерство, мессианство, изоляционизм, идейный раскол, партийная поляризация, потерянности белого населения, «умная сила».

«Только нация, которая находится в мире сама с собой, как со своими грехами, так и с достижениями, способна на великодушие и понимание других... Когда нация могущественна, но ей недостаёт уверенности в себе, её поведение может представлять опасность как для неё самой, так и для других.»

У. Фулбрайт [9].

Сегодня уже очевидно, что украинский, в ядре своём внутривнутриполитический, кризис стал очередным этапом трансформации миропорядка. Помимо судьбы украинского государства, находящегося на грани раскола, решается судьба новой международной системы. Ставки очень высоки, потому что на повестке вопрос международного лидерства и управления. Кто будет устанавливать правила игры на международной арене и на кого они распространятся – зависит от того, чем закончится противостояние России и США. Для России – это возможность вернуть себе державный статус. Для Соединённых Штатов – вопрос сохранения международного лидерства и системы, которую они выстраивали на протяжении последних десятилетий. И для США, и для России нынешний кризис это ещё и вопрос национального самосознания, которое для обеих стран тесно связано с лидерством на международной арене.

Трансформации миропорядка и американское лидерство на рубеже веков

На протяжении последних десятилетий концепция однополюсности полностью укладывалась во внешнеполитическую логику лидерства США, одно-

* **ЖУРАВЛЕВА** Виктория Юрьевна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра Североамериканских исследований ИМЭМО РАН.
E-mail: zhvika@gmail.com

значно оценивающих себя победителями в «холодной войне», но никак не устраивала ни Россию, ни Европу, ни Китай. Гораздо привлекательнее для них была идея многополюсности мира, которая вписывалась в концепцию глобальной взаимозависимости. При этом лидерство США в принципе не оспаривалось, даже сторонники многополюсной международной системы признавали их сильнейшими, но среди равных. Во многом такое видение объяснялось поведением самих США – официально называя себя державой-лидером, они поддерживали концепцию коллективного управления международной системой, однозначно заявляя о своей поддержке международных институтов и на практике подтверждая свою готовность развивать их, а также решать все возникающие международные вопросы коллективно, в соответствии с установленными правилами и в рамках этих институтов.

После трагедии 11 сентября 2001 г. всё изменилось. То, как развивались события после терактов, со всей очевидностью продемонстрировало, что международная система, по-прежнему находилась на этапе трансформации после распада биполярности и была лишена чёткой структуры. Бесконечные споры 1990-х годов об организации международной системы, по сути, были симптомом отсутствия системы как таковой. За прошедшее десятилетие странам так и не удалось выработать механизмы и институты сотрудничества, адекватные новым условиям, сложившимся с распадом биполярного мира.

Россия, в силу глубокого экономического и социально-политического кризиса, в первые же годы фактически выпала из процесса построения новой международной системы, несмотря на то что смогла сделать важный шаг по накоплению своего организационного ресурса, добившись вхождения в «Большую семёрку». В дальнейшем же потеря влияния на общемировые процессы стала тяжёлым психологическим препятствием на пути эффективного диалога России с Западом по вопросам международного сотрудничества.

Со стороны Запада построение новой системы состояло в вялом реформировании институтов, сложившихся за период «холодной войны». Основные усилия по выстраиванию новой международной системы западные страны сконцентрировали на расширении НАТО, отказываясь замечать, что экстенсивный путь развития блока не способствует его модернизации в соответствии с новыми тенденциями в мире.

Другой институт сотрудничества, возникший за годы существования биполярной системы – ООН, фактически утратил свою жизнеспособность. Единственный механизм взаимодействий, который после усовершенствования мог бы послужить основой для новой системы, превратился в громоздкий неэффективный, недееспособный бюрократический аппарат, с необходимостью которого уже редко кто соглашался. Основная схема была практически вытеснена «натоцентричной» схемой сотрудничества, которая по определению не могла стать основой новой международной системы.

Теракты и последующая за ними реакция США стали переломным моментом как для складывающегося миропорядка, так и для американского лидерства. Спор о многополярности потерял всякий смысл, как только США вывели себя за рамки существующей системы, признав в «Стратегии национальной безопасности» (2002 г.) право на односторонние превентивные военные действия. Фактически это положило конец не только спорам о многополярности, но и самой международной системе в том виде, в каком она существовала после распада биполярности. Если доминирующий игрок не распространяет на себя

действие установленных правил, фактически снимая с себя ответственность за существование установленного порядка, система неизбежно теряет свою эффективность и целостность.

Внешняя политика при президенте Дж. Буше-мл. вызвала сильнейшую волну антиамериканизма по всему миру. И не только в странах, отнесённых Соединёнными Штатами к потенциальным источникам угрозы национальной безопасности, но и в стане союзников, в частности в Европе. Поведение американцев характеризовалось как имперское, США стали называть империей XXI века. И не важно, что они, как писал британский профессор Нейл Фергюсон, сами не признают себя империей, простое отрицание своей имперской роли не исключало существования американского империализма [10].

Усталость от непредсказуемого и опасного поведения США на международной арене привела к попытке оспорить американское лидерство; появилась концепция, обосновывающая скорую потерю Соединёнными Штатами доминирующей роли в мире и неизбежный закат империи. Согласно другой европейской концепции агрессивное поведение США на международной арене, разрушающее сложившиеся международные структуры, рано или поздно должно было свести на нет их доминирующую роль в результате потери союзников и последователей. «Лидер без последователей», так назвал США английский учёный Барри Бузан, ставя под сомнение их способность сохранить за собой роль лидера в современном мире, объединяя вокруг себя другие державы [6].

Однако с тех пор ни одно государство не только не заявило о готовности занять место США, но и не рассматривалось исследователями как реальный претендент на лидерство в современной системе. Соединённые Штаты и сегодня продолжают открыто заявлять о своей лидирующей роли в мире. Одно дело предложить нового лидера (не важно, будет ли это одно государство или группа государств) в условиях управленческого вакуума, а совсем другое дело бросить вызов существующему уверенному в своих позициях лидеру.

В 2008 г., когда Б. Обама поставил задачу изменить имидж США как международного лидера, вопрос был не в том, сохранят ли они за собой лидерские позиции в международной системе, а в том, какое это будет лидерство – разрушающее сложившиеся международные структуры и нормы, революционное или конструктивное, направленное на укрепление и постепенную трансформацию международной системы с учётом изменившихся реалий окружающей среды. В 2013–2014 гг. сирийский, а затем и украинский кризис продемонстрировали, что США явно не справляются единолично с управлением усложнившейся международной системой, однако во что бы то ни стало стремятся сохранить своё первенство, даже нарушая устоявшиеся негласные правила игры. Чтобы объяснить это, необходимо проанализировать, чем детерминируется поведение США на международной арене после 2001 года.

Очевидно, что внешняя политика любого государства определяется не только спецификой международной системы и текущим состоянием международных отношений. На её формирование влияют история и культура государства, механизмы принятия решений, взаимодействие между основными политическими силами внутри страны. Очень часто анализ конкретных внутривнутриполитических процессов может нам сказать больше о намерениях того или иного государства, чем шаги, которые оно предпринимает на международной арене.

Две стороны одной медали: мессианство и изоляционизм

Деятельность государства как внутри-, так и внешнеполитическая во многом определяется идейной матрицей, лежащей в его основе. Эта матрица формируется из мифов, идей, верований, преданий и традиций, которые призваны объяснить существование и особенности любого государства; иначе говоря, своеобразный генотип конкретной политической системы, в рамках которого матрица и развивается. Реальная политика осуществляется не просто с учётом того или иного генотипа, она ограничена его конкретными характеристиками.

Доминирующим элементом американской политической культуры можно назвать веру в американский характер и судьбу, причём веру в религиозном понимании этого слова, т.е. абсолютную, не требующую доказательств. Корни этой веры заложили ещё первые колонисты XVI–XVII веков из Англии и Шотландии. Они рассматривали новые земли, как Землю Обетованную, которая станет прибежищем для носителей истиной – протестантской веры, гонимых католической церковью и монархической властью. Религиозность лежит в основе образующих американскую идейную матрицу мифов о безгреховности, избранности, добродетельности и неизбежном триумфе. В рамках её сформировалась двусторонняя модель американского восприятия себя, мира и взаимоотношений с ним.

С одной стороны, осознание своей избранности и особенности лежит в основе американского мессианства – искреннего и где-то даже наивного стремления сделать окружающий мир лучше, поделиться с ним своей истиной. С другой стороны, это же осознание своей добродетельности выливается в американский изоляционизм – стремление защитить свой мир от греховности, чуждости, агрессивности всего того, что снаружи.

Характерно, что изоляционизм США не выжидательный, не затворнический, а действенный и нередко даже агрессивный. Нападение – такой же инструмент этого изоляционизма, как и защита. Основная его цель – контроль над международной ситуацией в той степени, которая необходима для обеспечения безопасности своего государства, а также предотвращение случаев, когда Соединённые Штаты сами оказываются под внешним контролем. Понятие о контроле для достижения безопасности различными политическими силами может трактоваться очень вольно в зависимости от внешне- и внутривнутриполитической обстановки.

Мессианская и изоляционистская риторика всегда присутствует во внешнеполитических концепциях США и в выступлениях её лидеров. На это указывают многочисленные речи Дж. Буша-мл. и республиканских лидеров после терактов 11 сентября 2001 г. и в ходе всех последующих за ними избирательных кампаний.

Распад биполярности предоставил США идеальную возможность реализовать свои мессианские устремления. С исчезновением конкурирующей супердержавы Соединённые Штаты остались государством, превосходящим по военной и экономической мощи всех остальных участников международной системы. Крах коммунизма закрепил за либеральной демократией, которую проповедовали американцы, идеологическую гегемонию в мире. Понятно, что США стремились сохранить сложившуюся международную систему, в по-

строении которой они сами непосредственно участвовали. Недаром основным элементом внешней политики Б. Клинтона стали концепция распространения демократии и связанная с ней доктрина гуманитарных войн. Несмотря на жёсткую критику внешней политики этого президента как в США, так и в России, в его стратегии предполагалось, что американская гегемония будет ограничена рамками международных институтов. В концепции президента Обамы Соединённые Штаты рассматриваются как центр глобальной сети управления, который также подчиняется международным нормам и правилам.

Стремление протаскивать американское лидерство через международные институты – исторически хорошо знакомая форма проявления американского мессианизма. Начиная со Второй мировой войны, все американские администрации в той или иной степени придерживались именно этой концепции. Такое видение роли США в мире разделялось обеими политическими партиями. И дело не только в общей идеологии, но и в том, что обычно наиболее радикальные идеологические течения в обеих партиях находятся под влиянием сильных традиций прагматизма и реализма.

Однако внешнеполитическая стратегия, проводимая Дж. Бушем-мл. привела к нарушению Соединёнными Штатами ими же установленного международного статус-кво. Внешняя политика стала реализацией оборотной стороны американской идейной концепции – агрессивного изоляционизма. США поставили себя вне системы, объявив, что они не могут быть связаны существующими действующими нормами при наличии прямой угрозы их существованию.

Представляется, что такой отход от многолетней внешнеполитической традиции связан с острой реакцией и общества, и политических элит на сентябрьские события 2001 г., которые, вызвав неизвестное ранее американцам чувство физической уязвимости их страны, пробудили в них все негативные стороны религиозной веры в избранность, непогрешимость и добродетельность. Правый консерватизм в рядах Республиканской партии, найдя адекватный отклик среди американских избирателей, вышел из-под контроля традиционного прагматизма и реализма.

Б. Обама попытался ослабить внешнеполитический эмоциональный накал американцев и вернуть стране былое расположение союзников; чтобы реализовать американское лидерство в политическую реальность, была возвращена концепция «мягкой силы» в обновлённом виде и с новым названием «умная власть», которая стала очередным воплощением идеи американской миссии по реализации справедливого миропорядка.

Партии в борьбе за расколотое общество

И изоляционизм, и мессианство подпитываются непосредственными настроениями электората, за поддержку которого борются политические партии. Партийная борьба – основа американского политического процесса. На протяжении последних десятилетий её результатом стал идейный раскол как на уровне основных политических сил, так и на уровне общества. Поскольку именно две соперничающие партии структурируют американский политический процесс, то и поляризация происходит в рамках дихотомии «демократы – республиканцы».

Раскол внутри американской партийной системы начался ещё в 1970-х годах, когда обе партии переживали организационный и структурный кризис. В среде демократов стали преобладать либералы, в то время как у республиканцев идейный баланс сдвинулся в сторону консерваторов. Это далеко не сразу, но привело к сокращению идеологического центра, а партийные платформы приобрели более радикальную идейную окраску.

Во многом те первые шаги в сторону поляризации были ответом на кризис популярности политических партий в обществе. По мнению большинства американских аналитиков, с 70-х годов XX века в США неуклонно происходило убывание партийной приверженности. Помимо естественного процесса изменений возрастного, социального, расового состава электората обеих партий, происходило общее снижение их популярности. Всё меньше американцев готовы были заявить о своей партийной привязанности. Более того, даже наличие партийных предпочтений не могло быть дальше гарантом того или иного решения на выборах. Граждане всё меньше ассоциировали свои интересы с интересами партий. На выборах, особенно президентских, американцы всё больше связывали решение своих проблем с конкретным кандидатом, вне зависимости от его партийной принадлежности. Такое изменение в восприятии партий обществом привело к появлению в американском внутривыборном процессе «раздвоенного голосования» (*split-ticket voting*) – поддержка одним и тем же избирателем кандидатов от разных партий на разные выборные должности в один и тот же выборный год, в частности на выборах в Конгресс и на выборах президента.

Снижение популярности политических партий можно объяснить персонализацией политики на фоне бюрократизации партий. По мере институционализации и укрепления влияния на государство партии превращались в тяжёлый бюрократический механизм, который воспринимался населением уже как элемент большой государственной машины, что-то такое же далёкое от его повседневных нужд, как и федеральные институты власти [11; 9, р. 33]. Это привело к ослаблению эмоционально-психологической связи партий и индивида, к формализации роли партий в обществе.

Однако партийный принцип политической организации американского общества не изменился. Партийные предпочтения способствовали ориентации граждан в политике. Для многих американцев исторически они были одним из аспектов самопозиционирования. Демократ или республиканец всегда были значимыми категориями. Деление на тех и других по сей день пронизывает общество на всех уровнях. Условно оно делится на сектора в соответствии с одним единственным критерием – партийной поддержкой.

Юг со времён Гражданской войны был демократическим, а после реформ Франклина Рузвельта и усиления эгалитарной тенденции в программе партии стал республиканским. Центры городов исторически более склонны к поддержке демократов, чем пригороды. Женщины чаще поддерживают демократов, чем мужчины. Афроамериканцы со времён «Нового курса» образуют основу демократического электората, также как безработные и профсоюзные активисты, в то время как республиканцы имеют наибольшее влияние среди экономически благополучных слоев населения. Протестанты склонны поддерживать республиканцев, тогда как католики и иудеи – сторонники Демократической партии.

И всё же, несмотря на сохранение такого партийного ландшафта, в последние десятилетия XX века американцы в своём большинстве стали воспринимать партийные предпочтения скорее как удобную систему политических координат. Они склонны были считать партийную принадлежность попыткой подавить индивидуальность и настаивали на том, что голосуют за личность, а не за партию. По статистике Центра политических исследований Мичиганского университета, если в 1958 г. число граждан назвавших себя «независимыми» составило 19%, то в 1980-х годах оно уже было больше 38% и остаётся на этом уровне и сегодня.

Радикализация партийных идеологий в таких условиях фактически стала инструментом борьбы партий за голоса избирателей. Чтобы привлечь как можно больше независимых избирателей, которые, по сути, стали обеспечивать победу на выборах, партиям необходимо было проявить свою отличность друг от друга. Потеряв способность безраздельно контролировать общество и политический процесс, они фактически начали гонку за преобладание. Сферой, в которой, каждая из партий могла бы проявить свою индивидуальность стала социокультурная жизнь общества. На передний план партии выдвинули социальный блок вопросов – аборты, права меньшинств, религия. В отличие от экономических проблем, которые неизбежно делили общество на бедных и богатых, партийные предпочтения которых были очевидны, социокультурный блок позволял каждой из партий привлечь голоса не только своих традиционных сторонников, но и сторонников оппозиционного лагеря и независимых избирателей.

Первыми попытку вернуть себе роль абсолютных лидеров, используя социокультурные вопросы, предприняли демократы в период президентств Джона Кеннеди и Линдона Джонсона. Их программа национального изобилия была направлена, прежде всего, на тех, кто выпал из системы, особенно на афроамериканцев, расовые меньшинства и женщин. Демократы не добились долгого доминирования, но с новой остротой вывели на передний план проблемы расовых различий.

Рейгановские республиканцы в 1984 г. подхватили начинание демократов, окрасив социокультурный блок в религиозные тона. Аборты и школьные священники стали таким же важным пунктом их программы, как и налоговые сокращения. Социокультурная политика окончательно потеснила классовую, найдя свое дальнейшее выражение в предвыборной программе новых демократов Билла Клинтона, направленной также на улучшение положения женщин, расовых и этнических меньшинств, иммигрантов и бедных слоёв населения.

В результате за поляризацией партий последовала поляризация общества. Несмотря на критику со стороны общества в отношении партий, с 1990-х годов начинается парадоксальный рост числа сторонников как той, так и другой партий. Сегодня политические предпочтения граждан полностью поделены между демократами и республиканцами. Партии подошли настолько близко друг к другу по своей популярности в обществе, что малейшее изменение в настроениях граждан может нарушить существующий хрупкий баланс сил. При этом центральным вопросом, определяющим предпочтения граждан и соотношение партий в обществе и институтах власти, до 2001 г. оставалась культура. Именно этот блок продолжал определять политические предпочтения граждан, затрагивая целый круг вопросов – от государственного участия в решении социальных проблем до американского изоляционизма и активного

участия США в мировых процессах. А на поверхности остаются всего три острых вопроса, отражающих всю глубину раскола – аборт, оружие и налоги, соответствующее отношение к которым говорит о принадлежности к одному из двух оппозиционных лагерей.

Начиная с середины 2000-х годов США условно поделились на красных – республиканский центр, юг и юго-запад и синих – демократические штаты атлантического и тихоокеанского побережья. Республиканский блок состоит в основном из белых евангелистов, фермеров, южан и белых семейных мужчин. Демократический блок формируют в основном афроамериканцы, испаноговорящее население, женщины с высшим образованием, профсоюзные активисты и малорелигиозное белое население особенно с Восточного побережья, да и с Западного.

Нашумевшие выборы 2000-го г. отразили противостояние космополитичной и модернистской Америки в лице Альберта Гора и консервативной и религиозной – в лице Джорджа Буша-мл. Перевес одной из сторон оказался очень незначительным, также сложилось и соотношение сил в Конгрессе после выборов 2002 г. Эту же тенденцию продемонстрировали и последующие выборы.

Рост внутреннего единства и поляризация двух лагерей создают партии, сильно отличающиеся друг от друга. Сегодня более 75% американцев отмечают важные различия между ними. Между тем, усиление партийной приверженности избирателей, большая мобилизация и большая степень отличности друг от друга партий сочетается с, казалось бы, противоположной тенденцией – увеличением числа независимых избирателей. Появляется всё больше групп населения, которые отходят от прежних партийных предпочтений. Так, например, выпускники колледжей и специальных высших учебных заведений, считавшиеся сторонниками республиканцев, сейчас колеблются в выборе между двумя партиями. Некоторые группы перестали быть сторонниками той или иной партии, как, например, католики, замужние женщины со специальным высшим образованием и молодёжь.

В итоге, помимо двух сплочённых оппозиционных блоков, появился ещё третий – блок независимых избирателей, голоса, которых могут оказаться решающими для победы одной из партий. Расширение нового блока во многом связано с тем, что направленность партий на увеличение числа их сторонников приводит к чрезмерной концентрации их только на определённом круге вопросов, вне которого остаётся без внимания ещё много проблем. В результате число независимых избирателей в 2000 г. составило 35%, а к концу 2010 г. они представляли уже самую многочисленную группу – 37% [15]. В 2008 г. именно независимые избиратели обеспечили победу Б. Обаме, а в 2010 г. они помогли уже республиканцам вернуть контроль над нижней палатой Конгресса. В 2012 г. основная борьба кандидатов за Белый дом опять сосредоточилась вокруг независимых избирателей, и их голоса вновь помогли Б. Обаме.

Раскол, спровоцированный партиями, в итоге осложнил жизнь им самим и изменил социально-политический ландшафт США. Практически равное соотношение сторонников двух партий заставляет демократов и республиканцев прилагать особые усилия по укреплению и расширению своего блока. В таких условиях потеря хотя бы одного голоса недопустима. Лучший способ объединения и сплочения сторонников обе партии видят в своём противопоставлении оппозиционному лагерю, что ещё больше усиливает раскол в обществе.

Таким образом, идейная гонка, которую политические партии начали в борьбе за голоса, втянула их в бесконечное идеологическое противостояние. С одной стороны, оно требует от них постоянной радикализации позиций, а с другой – поддерживает интенсивность идейного раскола в обществе.

Внешнеполитическая карта в партийном противостоянии

В свою очередь идейный раскол заставляет партии искать новые темы для привлечения избирателей и выступать с более радикальными предложениями для решения всего спектра стоящих перед институтами власти проблем. После событий 11 сентября 2001 г. такой «новой» темой в борьбе партий за электорат стала внешняя политика.

Ещё со времени окончания «холодной войны», которое серьёзно размыло идеологические различия между партиями в сфере внешней политики, консервативное крыло Республиканской партии работало над тем, чтобы представить американцам новую программу расширения и укрепления глобального лидерства США. Однако с распадом конкурентной державы, на протяжении 40 лет выступавшей в качестве главной угрозы безопасности, американский электорат утратил всяческий интерес к вопросам внешней политики, которые занимали самое последнее место в рейтингах наиболее актуальных тем среди избирателей. Даже внешнеполитическая активность Билла Клинтона, вызывавшая противоречивую реакцию в американском обществе, не смогла вернуть интерес американцев к ним на выборах.

Всё изменилось после сентябрьских событий 2001 г. Терракты разбудили патриотические чувства американцев, что дало республиканцам возможность создать новую конкурентную повестку дня в борьбе за избирателей: превентивная война с глобальным терроризмом. Фактически трагедия помогла республиканцам актуализировать не самую популярную среди американцев тематику расширения демократии по Б. Клинтону. Когда неуязвимость США была поставлена под сомнение и появилась возможность создать образ нового реального врага, тезис о расширении демократии как инструменте обеспечения безопасности мира и самих Соединённых Штатов был умело положен правоконсервативными республиканцами в основу новой наступательной внешнеполитической концепции «Америка, ведущая войну».

Война с терроризмом и установление демократии стали основными задачами, которые обе партии поставили в центре своих внешнеполитических программ. Более двух лет они были едины в своих подходах к их решению. Тезис об одностороннем и превентивном устранении любой угрозы безопасности США, вопреки существующим международным нормам и институтам, объединил и общество, надолго впавшее в посттравматическое состояние, и политические институты. Логика войны взяла верх над логикой электоральной конкуренции. Обе партии в Конгрессе, так же как и общество, объединились вокруг президента Дж. Буша-мл., оказав ему полное доверие и поддержку всех его инициатив.

Выражение поддержки республиканскому президенту и единства с республиканцами в рамках Конгресса стало первым же шагом демократов после терактов. Так, лидер демократического меньшинства в Палате представителей

Д. Гепхардт заявил вскоре после трагедии, что существует полное согласие как между президентом и Конгрессом, так и между партиями. Его поддержал лидер сенатского демократического меньшинства Т. Дэшл, заверив, что существует полное единство между партиями в обеих палатах Конгресса [7, p. 2116].

Партии проявили редкостное взаимопонимание, стремясь обеспечить безопасность страны. Дж. Буш в результате терактов получил полностью лояльный Конгресс, который в короткий срок одобрил целую серию его предложений. 14 сентября 2001 г. обе палаты одобрили резолюцию, предоставившую президенту право использовать все возможные средства против государств, организаций или отдельных граждан, которые могли быть причастны к событиям 11 сентября. В тот же день законодатели одобрили выделение дополнительных средств в размере 40 млрд. долл. на восстановление после терактов и антитеррористические меры. Сенат утвердил Дж. Неграпонте в качестве представителя США в ООН, хотя до терактов многие демократы выступали против этого назначения. Республиканцы в Палате, которые блокировали принятие законопроекта о выплате американской задолженности ООН, отказались от оппозиции, чтобы облегчить для президента задачу по организации международной антитеррористической коалиции. 25 октября 2001 г. Конгресс принял так называемый Патриотический акт (*Patriot Act*), который предоставил спецслужбам новые рычаги контроля над обществом и все инструменты для полномасштабного наблюдения за лицами, которые могут быть связаны с террористической деятельностью.

Для этого «посттравматического» периода был характерен самый большой процент межпартийного единства и голосования на внепартийной основе. По сути, внешняя политика после 2001 г. стала не только инструментом борьбы республиканцев за популярность, но и на определённое время средством объединения общества и государства. Однако при первых признаках того, что акты возмездия из маленькой победоносной войны превращаются в длительную, дорогостоящую, как с точки зрения людских потерь, так и с точки зрения бюджета, военную акцию, общество начало утрачивать боевой пыл.

И вновь среди американского электората наметился раскол в этот раз на воинствующих консерваторов и радикальных либералов. А у Демократической партии появилась возможность заявить о своём отличии от правящей Республиканской партии, чтобы вступить в борьбу за голоса избирателей. Внешняя политика продолжала удерживать лидирующие позиции в рейтинге приоритетных предвыборных вопросов вплоть до 2008 г., пока её не потеснила экономическая повестка дня, актуализированная демократами в ответ на международный финансовый кризис.

Общество, уставшее от растущей безработицы и экономической нестабильности, на промежуточных выборах в ноябре 2010 г. голосовало, прежде всего, за экономическую стабилизацию и против демократов, разочаровавших американцев своей неспособностью справиться с кризисом в кратчайшие сроки. Однако внешнеполитическая проблематика не утратила своей актуальности для самих партий. Она по-прежнему представляет для них тот самый вопрос об отличиях, к которому можно будет вернуться. И важным пунктом в этой проблематике для обеих партий вновь стали методы достижения глобального лидерства США во имя обеспечения безопасности мира и самих американцев теперь только не в условиях биполярного противостояния или глобальной

борьбы с международным терроризмом, а в условиях борьбы с нарушителями устоявшегося порядка.

Республиканцы по-прежнему (несмотря на опыт Ирака) выступают за односторонние превентивные действия на международной арене, а демократы, судя по «Стратегии национальной безопасности» Б. Обамы, предлагают восстанавливать глобальное лидерство США в рамках международных институтов, повышение эффективности которых также ставится ими в качестве одной из целей внешней политики. То, какой подход возобладает в ближайший период и насколько радикальны будут обе партии в своей внешнеполитической концепции, соответственно, какой тип американского лидерства возобладает, во многом будет зависеть от идейных настроений в обществе, в основе раскола которого лежат не только партийные предпочтения.

Религиозность и потерянности белого населения

Раскол общества по партийной линии имеет под собой более фундаментальный идейный раскол на тех, кто рассматривает концепцию американской исключительности как инструмент построения будущего величия нации, и на тех, кого она заставляет постоянно возвращаться к образам идеализируемого и безвозвратно утраченного великого прошлого. Последние призывают восстановить потерянный более нравственный уклад американского общества, которому угрожает агрессивно настроенный внешний мир. Именно этот слой американцев составляет базу правоконсервативных республиканцев, одержавших заметные победы на промежуточных выборах 2010 г. и даже сохранивших определённое влияние в Конгрессе после выборов 2012 года.

Америка правых консерваторов чрезвычайно религиозна, причём в большинстве своём правые – прихожане евангелической церкви. Парадоксально, но социальные опросы демонстрируют очень высокую для современного западного мира степень религиозности американского общества. Как показывают исследования Пью-центра, в этой своей черте США гораздо ближе к развивающимся странам, чем к развитым. В 2002 г. 59% опрошенных заявили, что «религия играет очень важную роль в их жизни». Для сравнения, во Франции так ответили только 12% респондентов, в Канаде – 30%, в Турции – 65%, а в Пакистане – 91% [3]. Новое исследование, проведённое организацией в 2008 г., подтвердило эти цифры [15].

Такая религиозность, характерная скорее для XVII века, сосуществует с реальностью американской массовой культуры, радикальные выплески которой все указанные 59% населения регулярно наблюдают по телевидению, в интернете и просто на улице. Неудивительно, что правоконсервативные республиканцы сохраняют политическое влияние, эксплуатируя такие темы, как аборт, гомосексуализм и подростковая сексуальность.

Высокая степень религиозности, в свою очередь, может быть выражением социального, экономического, этнического и расового беспокойства белых американцев, которые, судя по опросам общественного мнения, уже не первое десятилетие массово испытывают чувство потери контроля над развитием «их Америки» [13].

Как показывает в своём исследовании Дж. Олсон, «трансформация белой идентичности» началась в 60-х годах прошлого века с отменой сегрегации и

успехом движения за гражданские права [14, р. 704]. До её отмены принадлежность к белому населению служила одним из важнейших критериев самоидентификации для белых американцев. Это было важнее классовой и экономической принадлежности, потому что в соответствии с данным критерием даже самый опустившийся нищий мог чувствовать, что он что-то из себя представляет, потому что ниже его на социальной лестнице были ещё афроамериканцы. Фраза «по крайней мере, я не чёрный» была последним прибежищем нищих слоёв белого населения. С отменой сегрегации этот довод исчез.

Потеря важнейшей формы самоидентификации вызвала у белого населения, особенно среди наиболее социально незащищённого и необразованного, гнев и стремление вернуть старые порядки. Именно оно составило основу республиканского электората, отвернувшись от Демократической партии, которая стала для них с 1960-х годов «партией негров».

Экономические изменения и эффект глобализации добавили новый аспект к чувству потерянности белого среднего класса. За последние 30 лет его доход в лучшем случае оставался неизменным, а очень часто падал, особенно среди рабочих. К данному процессу приложила руку и растущая иммиграция, как легальная, так и нелегальная. Если в 1950–1960-х годах средний семейный доход этого слоя населения вырос на 40%, то в 1990-х годах – всего на 7%. При этом серьёзно усилилось экономическое неравенство: если в 1969 г. богатейшие 5% американцев заработали 15,6% общего национального дохода, то в 1996 г. – уже 20,3% [13]. С 2007 г. к этому добавился международный финансовый кризис, большее всего ударивший именно по беднейшему слою белого населения.

Всё это не только привело к обнищанию широких слоёв белого населения, традиционно считавших себя «солью земли американской», но и серьёзно подорвало в них чувство собственного достоинства и уверенность в себе. И неудивительно, что в последние годы растёт число приверженцев фундаментальных христианских религий. Церковь стала для них последним прибежищем, она воплотила в себе образ той Америки, которую они потеряли. Именно эта бедная часть населения и поддерживает правоконсервативных республиканцев, обеспечивая им победу на выборах.

Правые консерваторы умело использовали гнев и разочарование «старой Америки», чтобы укрепить свои позиции в Республиканской партии и фактически стали авторами республиканской концепции американского доминирования в XXI веке. Возвышение США над остальным миром на фоне выявившегося нового национального врага – международного терроризма – компенсировало правым консерваторам чувство социальной и культурной потерянности внутри своей собственной страны. Золотое правило любых радикальных правящих сил – перенаправить гнев обеспокоенных и потерянных людей на внешнего врага – с успехом было использовано правыми консерваторами в своей стратегии. Весь первый президентский срок Дж. Буш-мл., избранный с небольшим перевесом в голосах выборщиков, пользовался невиданной поддержкой американцев.

Внешнеполитическая концепция США, представленная миру после трагедии 2001 г., полностью строилась на правоконсервативных ценностях «старой Америки». Её авторы не только разделяли страдания правоконсервативной части населения по утраченному прошлому, они ещё имели опыт ведения политики в условиях «холодной войны». И из своего опыта они вынесли парадигму проти-

востояния, основанную, прежде всего, на военной силе. Именно благодаря ей и была построена внешнеполитическая концепция Дж. Буша-мл., украшенная изоляционистским видением цивилизаторской миссии США.

Однако выпущенные трагедией 2001 г. демоны воинствующего изоляционизма недолго контролировали американское общество. Столкнувшись с первыми поражениями в Ираке, американцы стали быстро терять боевой дух. Правоконсервативной риторики хватило только на переизбрание Дж. Буша-мл. В дальнейшем общество стало активно сигнализировать о своем нежелании воевать со всем миром. Президенту пришлось слегка смягчить тон, а на промежуточных выборах Демократическая партия вернула себе контроль над Конгрессом. Позднее новая администрация попыталась дистанцироваться от агрессивной внешней политики президента, и на смену изоляционизму вновь пришло мессианство в традиционной для Демократической партии форме повсеместного укрепления демократии.

Можно было бы предположить, что американцы лишены имперского духа завоевательства и потому длительные военные конфликты, инициированные США, исключены [13]. Как отмечал американский историк Вэнн Вудворд ещё в 1968 г., американцы готовы воевать в случае нападения на их страну или даже просто нанесения ей оскорбления, но совсем не стремятся к постоянным военным расходам и жертвам [18]. Это никак не исключает высокомерия, в котором обвиняла Европа Соединённые Штаты, или нежелания играть по общим правилам, чем недовольна сегодня Россия, потому что и то и другое проявление американского стремления изменить мир в соответствии со своей идеей об этом мире и о своём месте в нём.

* * *

Идейная матрица американской политической системы предопределяет лидерский характер внешней политики. Пока военные, экономические и социально-культурные ресурсы будут позволять США поддерживать внешнеполитическое лидерство не стоит ожидать, что они уступят своё место кому-то ещё. Как написал в предвыборной статье Барак Обама, «Время Америки не прошло... Говорить о закате американской мощи, это значит игнорировать великую историческую миссию Америки в мире» [4, p.2].

Однако специфика американского внутривнутриполитического процесса и идейное состояние современного американского общества придают непостоянство характеру этого лидерства. Объективные условия глобализирующегося мира таковы, что ни одна даже самая мощная держава не в состоянии нести в одиночку ответственность за поддержание и эффективное функционирование международной системы. Ирак, Сирия, Ливия, Украина показали это со всей очевидностью даже воинствующим республиканцам. Судя по «Стратегии национальной безопасности», действующая администрация осознает ограниченность возможностей США в современном мире. Она намерена и далее развивать систему международных институтов и свое участие в ней.

При этом даже демократическая администрация оставляет за США право принимать самостоятельные действия по обеспечению своей и международной безопасности. Лидер, строго в соответствии со своей идейной матрицей, оставляет за собой право на свободу действий!

Международная система вне всяких сомнений изменилась после 2001 г. и ещё больше после сирийского кризиса. Она переживает кардинальную трансформацию. Меняется восприятие казалось бы устоявшихся концепций – таких как суверенитет или превентивные действия. Американское лидерство сталкивается с новыми вызовами. Даже после «реанимационных» попыток Б. Обамы по восстановлению международного имиджа по-прежнему надо прикладывать немало усилий, чтобы вернуть доверие со стороны других государств, прежде всего союзников. От США как от страны, претендующей на лидерство, требуется гибкость и готовность работать со всеми участниками международного процесса, чтобы сохранить систему, контуры которой окончательно размыты противостоянием на Украине.

Список литературы

1. *Баталов Э.Я.* Русская идея и американская мечта. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 384 с.
2. *Журавлёва В.Ю.* Концепция «умной власти» и стратегия национального развития Обамы // Россия и Америка в XXI веке. 2011. № 2.
3. Among Wealthy Nations, The US Stands Alone in Its Embrace of Religion // Global Attitudes Project Report. 2002. Опубликован в ноябре 2003 года.
4. *Barack Obama.* Renewing American Leadership // Foreign Affairs. July–August 2007. Vol. 86. Iss. 4.
5. *Brewer M.D.* A Divided Public? Party Images and Mass Polarization in the U.S. Paper Presented to the American Political Science Association, 28.08–01.09.2002.
6. *Buzan B.* A Leader Without Followers? The United States in World Politics after Bush // International Politics. 2008. Vol. 45. No. 5. P.554-570.
7. Congressional Quarterly Weekly. 15.09.2006.
8. *Drehle D.* Political Split is Pervasive. Clash of Cultures is Driven by Targeted Appeals and Reinforced by Geography // The Washington Post. 25.04.2004.
9. *Fulbright W.J.* The Arrogance of Power. New York: Random House, 1966. 284 p.
10. *Ferguson N.* Colossus. The Rise and Fall of the American Empire. London: Penguin Books, 2004. 416 p.
11. *Greenberg S.B.* The Two Americas. Our Current Political Deadlock and How to Break It. New York, 2004. 416 p.
12. Independents Oppose Party in Power...Again. Pew Research Center. 23.09.2010.
13. *Lieven A.* America Right or Wrong. Oxford University Press, 2004. 274 p.
14. *Olson J.* Whiteness and the Polarization of American Politics // Political Research Quarterly. 2008. Vol. 61. No. 4. P.704-718.
15. Religious Landscape Survey. Pew Research Religion and Public Life Project. 2008 (<http://religions.pewforum.org/comparisons>).
16. *Sabato L.J.* The Party's Just Begun. Shaping Political Parties for American Future. University of Virginia. 1987. 238 p.
17. *Snyder J., Shapiro R., Bloch-Elkon Y.* Free Hand Abroad, Divide and Rule at Home // World Politics. 2009. Vol. 61. No. 1. P. 155-187.
18. *Woodward C.V.* Burden of Southern History. Louisiana State University. 1968. 304 p.